

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» В 1920-е гг. И ЕГО СОВРЕМЕННЫЙ ВАРИАНТ

Рассматриваются феномен социокультурного конструирования в 1920-е гг. и его трансформированный аналог в 1990-е гг. Культурная революция представлена как интегральная социальная технология, главным результатом которой являлся «новый» человек.

Своего рода социальной технологией была «культурная революция». Это понятие ввёл в политическую литературу главный теоретик и организатор Пролеткульта А.А. Богданов. Личность незаурядная – врач по образованию, экономист, математик, философ, социолог и политический деятель, учёный-естествоиспытатель, теоретик организации и управления и писатель.

А.А. Богданов – не простой образованный участник пересоздания России и русской культуры, но представитель мозгового центра пересоздателей. И по делам таких личностей можно понять самые сокровенные цели революции, не улавливаемые в декларируемой государственной политике. Нам представляется важным обращение к характерным, символическим личностям «культурной революции», её первым организаторам и энергичным деятелям. Это такие личности, как А.А. Богданов, А.К. Гастев, П.М. Керженцев, Ф.И. Калинин, В.Ф. Плетнёв, А.Б. Залкинд, А.З. Гольцман, А.М. Коллонтай и др. И, безусловно, самые первые теоретики и практики «культурной революции» В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, А.В. Луначарский.

Пролеткульт А.А. Богданова по своим целям был сопоставим с несколько позже возникшим Наркомпросом. Многими большевиками, и Лениным тоже, некоторое время владела идея почти безгосударственного бытия, предполагалось самоуправление, коммунальность во всём.

Но уже в 1920 г. по причине «самоуправления» Пролеткульт подвергся критике, возглавляемой лично Лениным. Не существо его работы прежде всего обеспокоило вождя, но именно «самоуправление», названное сепаратизмом, неуправляемостью со стороны партии и государства. В 1921 г. Богданов оставляет Пролеткульт, т.е. своё главное изобретение для революции.

А.А. Богданов оставил после себя немалое теоретическое наследие, до сих пор обстоятельно и системно не исследованное. Влияние этой неординарной личности и его трудов на взгляды современников и ближайшего молодого поколения было значительным. Влияние отрицательное и положительное. Некоторые научные начинания и идеи опередили его время, и истинность их много позже была подтверждена, например, в кибернетике.

Ленин впервые использовал в печати понятие «культурная революция» в 1923 г. в одной из своих так называемых завещательных статей «О кооперации». Употребил трижды в одном абзаце. А если считать синонимами «культурную революцию» и «культурный переворот», то и четырежды. Но это было уже другое время. Жизненные силы русского народа были ещё весьма велики, хотя сильно надорваны и мировой, и Гражданской войнами, бойнями ВЧК, «красным террором», внесудебными расправами, концлагерями, искусственным голодом. Политика «военного коммунизма»

провалилась. Захват мира путём мировой революции не состоялся. Не состоялся несмотря на огромные ресурсы, передаваемые Коминтерну для подогрева смут и революций, прежде всего в европейских странах. Ресурсы в виде царских денег, изделий из драгоценных металлов и камней, вывозимых агентурой большевиков в Европу чемоданами, коробками. В 1919–1920 гг., когда большая часть русского народа голодала, Ленин просил секретаря Коминтерна А. Балабанову не считаться с расходами на мировую революцию. «Умоляю вас, – говорил ей Ленин, – не экономьте. Тратьте миллионы, много миллионов» [1. С. 649]. Коммунистические партии мира были взяты на содержание за счёт России. Глава Коминтерна Зиновьев в октябре 1919 г. заявлял, что за год мировая революция охватит Европу. «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики». В другом разе (и так многожды) мировую революцию вождь считал «событием дней ближайших». Готовилось вторжение красных войск в Европу для помощи тамошним революционерам. Было предпринято трагическое для русского народа наступление на Варшаву.

Явная авантюра глобалистов большевистского толка не удалась. Всемирного СССР не получилось. В страхе перед полыхавшими по всей стране народными восстаниями наиболее дальновидные большевики отступили, ввели НЭП и постепенно, не оставив мысли в какое-то другое удобное время прийти к мировому господству, откатились к строительству социализма «в одной отдельно взятой стране».

Отсюда, обращаясь к ленинским высказываниям о «культурной революции», надо расстаться со штампами советской историографии. «Культурная революция», последовавшая вслед за октябрьским переворотом, и «культурная революция» в завещательной статье Ленина – не две революции, но одна, по своим целям и содержанию, и соотносятся они, как соотносятся штурм и осада. Штурм и осада русской национальной культуры. То и другое рассчитано в итоге на её уничтожение.

Развитие культуры – процесс органический, живой, имеющий свои корни и родину. И попытки государственной скорой реконструкции культуры, силовой замены её фундаментальных ценностей есть открытая или маскируемая война с национальной культурой, с народом-носителем. Советские исследователи теории и истории «пролетарской» культуры, «культурной революции» в СССР критиковали её первостроителей, конечно, вслед за Лениным, за «торопливость и размахистость». Беспокоила проблема темпов реализации целей «культурной революции». Наиболее осторожные «первостроители» при этом боялись возможного организованного сопротивления русского народа, стояли за

«неторопливую и неразмашистую» трансформацию русской культуры, их занимали отвлечённые вопросы темпов трансформаций, а не её сущность.

На упрёки о преждевременности «насаждения социализма в недостаточно культурной стране» Ленин отвечал: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции, для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас культурная революция представляет неимоверные трудности» [2. С. 377]. И эти «трудности» ставились в вину русскому и другим народам России: много-де, неграмотных, слабо прививается понимание выгод социализма и т.д. А то, что сопротивление было в основе «неимоверных трудностей», пусть и молчаливое, проявление жизнестойкости русского человека и его культуры – замалчивалось.

Масштабы неграмотности российских граждан до и после революции были велики, однако и преувеличивать их, как это делали большевики, не стоит. Начальное образование царской России было бесплатным, а с 1908 г. – обязательным. Обследование 1920 г. установило, что 86% молодёжи в 12–16 лет умели писать и читать. Бесспорно, что они научились этому до революции [3. С. 11]. Многие верующие люди относились к числу неграмотных, хотя они свободно читали по церковно-славянски Псалтирь, другие духовные книги и понимали прочитанное.

Понятие «культурная революция», казалось бы, должно быть характерным для первого десятилетия советской власти, распространённым среди вождей и масс, на самом деле употреблялось в 1920-е гг. редко и при Ленине, и после него. Даже в юбилейной работе Луначарского «Десятилетие революции и культура» (1927) оно ни разу не встречается. На XV съезде ВКП(б) в 1927 г. понятие «культурная революция» фигурировало, но скоро исчезло. И только с конца 1930-х гг. оно снова появилось и в последующие годы закрепится в политическом лексиконе. Этому способствовала вышедшая в 1938 г. в свет «История ВКП(б). Краткий курс». В ней оценивается подъём уровня общего и высшего образования к 1937 г. так: «то была культурная революция». Начало «культурной революции» в популярном учебнике относилось к 1930 г. – году введения всеобщего обязательного начального образования. «Краткий курс» гласил: «В результате введения всеобщего обязательного образования и нового школьного строительства развернулся мощный подъём культуры народных масс». Здесь «культурная революция» употребляется больше в метафорическом смысле, для придания превосходной степени культурному процессу.

Содержание и цели «культурной революции» явно заужены, всё сведено к образованию. И лишь в 1960-е гг. вновь согласились считать началом «культурной революции» октябрьский переворот. А когда она закончилась и закончилась ли? Безусловно, процессы в её духе шли не прерываясь, но на их темпы и структуру влияли сталинские выборочные реставрации, частичное перетекание революции в контрреволюцию. Революционный словарь, очевидно в целях маскировки реально происходящего, оставался прежним.

О конце «культурной революции» мнения разошлись, но при этом возобладала точка зрения, что она окончилась перед войной. А т.к. тогдашняя наша культурология, как и все общественные науки в целом, про-

являли повышенную «творческую» активность не до, а после очередного партийного съезда, доказывая постфактум теоретическую глубину принятых решений, то после XXII съезда появилась концепция «безразмерной» «культурной революции», её периодизация. Выделялись этапы: «становления», до 1928 г., «решающих успехов и победы», до 1959 года (социализм провозглашён необратимым) и «завершающий», с 1959 г., и это после «победы». И «завершению» отдаются десятилетия. Вызывала удивление постановка вопроса в программе КПСС, принятой на XXII съезде в 1961 г. На стр. 16 сказано, что «в стране осуществлена культурная революция» и дальнейшее развитие культуры «явится завершающим этапом великой культурной революции».

В новой редакции Программы КПСС, принятой на XXVII съезде, понятие «культурная революция» употреблено один раз и даны её итоги: «Ликвидирована неграмотность, открыт широкий простор для развития творческих сил, духовного расцвета человека труда, сформировалась социалистическая интеллигенция. Марксистско-ленинская идеология стала господствующей в сознании людей». Партия, наконец, рассталась с одиозным понятием, но движение к целям, которые оно содержало в себе, с нововведениями и изъятиями продолжалось до 1991 г.

Какой-то внутренней неопределённостью, скорее даже виноватостью веет из рассуждений о периодизации и тем более о содержании и целях «культурной революции». И касается это «вевание» не первых её теоретиков и исполнителей, а более отдалённых; но время, видимо, дало им возможность как-то оценить реальные результаты «критической переработки культурного наследия», «ломания и отбрасывания всего реакционного, косного, устаревшего в культуре... сохранения для нового общества всего того ценного, что было накоплено человечеством за многовековую историю, всего прогрессивного культурного наследия, творчески и критически развиваемого...» [4. С. 295]. Анализ только энциклопедической, словарной литературы, изданной в советский период российской истории, открывает всё те же извивы прихотливой политики в отношении русской культуры несоприродных ей большевиков и их современных идейных наследников, всю трагедию великой культуры и её создателя и носителя. И будучи усвоенными, итоги этого анализа молодым поколением через общеобразовательную школу придали бы силы возрождению обескровленной, растерзанной в «новой истории» русской культуры.

Если человеческой истории не суждено завершиться в ближайшем будущем, возрождение русской культуры неизбежно. Её великость доказана уже тем, что она не погибла окончательно при столь длительной, государственно-организованной её трансформации, доказана своей исключительной жизнестойкостью.

Адекватному восприятию существа итогов советской культурной политики мешали и продолжают мешать сознательные подмены дел культуры делами политики и идеологии, акцентирование среди этих итогов рационалистической стороны культуры, состоящей в росте элементарной грамотности, физического, химического и иного утилитарного знания, культурно-

технического уровня (популярный был термин). Эта сторона культуры, как её тела, может развиваться (и в СССР успешно развивалась) при разных, даже противоположных культурных политиках. Твёрдое же ядро культуры, сердцевина, системообразующая её сила – духовность и базирующаяся на ней нравственность – дифференцирует корпуса деятелей, и часто до полюсного противостояния.

Культурная революция, как сообщает один из советских философских словарей, была произведена постепенно сверху. Если не брать во внимание слово «по-степенно», то это так и было, а живой энтузиазм многомиллионных масс всегда легко и свободно «пристёгивался» не обременёнными совестью агитпроповцами ко всем начинаниям «верхов». Интегральной целью было создание вместо великой русской национальной культуры культуры социалистической, потом – коммунистической. Культура в большевистском восприятии представлялась некой макротехнологией, инженерией производства «нового человека».

Попытки создания «нового человека» неоднократно наблюдались в истории. Первоидея для новой эры надо считать христианский идеал преображения «Ветхого Адама» в «Нового Адама» (Адам – человек). Христианское мировоззрение признаёт два рождения в человеке – плотское и духовное. Человек рождается сначала в естестве своём, затем – в духе. Он дихотомичен, т.е. телесен и душевно-духовен, органически соединяющий в себе смертное тело и бессмертную душу. Ветхий и Новый – не порознь существующие два человека, но оба в одном. И суть культурного процесса, по христианской мысли, состоит в вытеснении собственными духовными усилиями ветхого человека из трагического единства. Вытесняемый же характеризуется такими качествами, как лживость, лукавство, гордость, гневливость, злобность, ненависть, самолюбие, сребролюбие, плотская нечистота и др.

Новый человек христианства духовен, с верой живой и её плодами, ими он и обновляется, покоря склонную к порокам плоть. Новый, равно духовный, внутренний человек предпочитает земное отечество небесному, он не порабощён, как ветхий, «сокровищами на земле» или «хлебами земными». Новый, духовный, ревнитель вечного – он же одновременно и свободный человек, свободный даже и тогда, когда находится в узах и узилище. Ветхий, плотский, выбирающий смысложизненными ценностями себе земные, телесные удовольствия и радости считается обществом вредительным, а новый, духовный – полезным.

Каждая новая эпоха в истории будет ставить проблему формирования «нового человека» соответственно своим идеалам и интересам.

Даёт стимул размышлениям факт. Ещё довольно много времени должно было пройти до конца эпопеи с большевистской «культурной революцией» и её детищем «новым человеком», а иная, альтернативная новая культура и альтернативный новый человек выстраивались в мыслях выдающегося русского философа И. Ильина.

Старые пути и направления, на которых развивается мир, близки к исчерпанию, что однажды вызовет массовые разочарования, лишения и страдания, – предвидит мыслитель. И всё это из-за невыносимости своей

подтолкнёт к самопроизвольному духовному обновлению. «Человечество попыталось за последние два века создать культуру *без веры, без сердца, без созерцания и без совести*, – писал Ильин, – и ныне эта культура являет своё бессилие и переживает своё крушение» [5. С. 383–384]. Только после долгих мук, небывалого, может быть, гнёта и унижения, в человеке «оживёт и раскроется сердце... он вновь обретёт Бога, примирится со своей совестью и начнёт создавать (не восстанавливать. – Ю.М.) новую культуру, – обретя новую *веру* во Христа, слагая новую *науку*, создавая новое *искусство*, формулируя новое *право* и водворяя новую, отнюдь не социалистическую *социальность* (курсив мой. – Ю.М.) [5. С. 384–385]. Хотя и не употребляет Ильин термин «новый человек», но он мыслится и как создатель новой культуры и как её следствие. Правда, его новая культура имеет своими основаниями духовную традицию и ценности.

Так, Запад увлёкся евристикой – претенденткой на статус науки о выведении совершенных, в соответствии со значением термина, благородных людей. У большевиков были фантастические примеры физического и культурного воспроизводства новых людей в произведениях утопического социализма Т. Мора, Т. Кампанеллы, Р. Оуэна.

В России во второй половине XVIII в. И.И. Бецкий разработал проект воспитания «нового человека» в гендерном варианте. И проект этот тогда же начали осуществлять, открыв Смольный институт, для создания на одном отделении «нового типа дворянки», а на другом – мещанском отделении – новую породу «третьего чина людей». В начинаниях И.И. Бецкого явно отразились идеи Ж.-Ж. Руссо о «воспитании новой породы людей» [6. С. 50]. Но эти проекты касались небольшой части общества и опирались на культурную традицию. Проекты и дела большевиков нацеливались на всё общество, а т.к. они жаждали скорейшей мировой революции, – то и на всё человечество.

Большевики не были оригинальными деятелями. Бог и человек были теми полюсами, по тяготениям или отталкиваниям к которым строились программы формирования героя каждой эпохи. Но большевикам надо отдать честь подготовки невиданного в прошлом человека. Состоялся или не состоялся «новый человек» – это вопрос о том, завершилась ли «культурная революция» сама собою или была если и не прервана, то существенно видоизменена противными ей силами.

«Новый человек» как большевистский идеал и главный продукт «культурной революции» есть перевернутый, переименованный в свою противоположность христианский идеал человека.

Первое, что как мощное образовательно-воспитательное средство готовилось к применению, – это реконструированная прошлая история страны и народа, потом и всемирная в подобной обработке. Прошлое берётся под жёсткий контроль и его события аранжируются в духе победившей доктрины. Большевики в глубинах исторического времени ищут и находят себе предтеч, недостаток реального компенсируется мнимым; историю отныне движет классовая борьба, понимаемая как самое высокое, до чего история развивалась. Замена одной исторической памяти другой искусственно созданной партией и её агитпропами, внедрённой в сис-

тому общего и профессионального образования, создаёт долговременную базу для реконструкции, пересоздания дореволюционного человека в «нового человека».

Антропологическое измерение периода 1920-х гг. при изучении всей судьбы и качества советского человека исключительно важно. Выработан и широко пропагандировался в ту пору его идеальный тип, началось и его воплощение, и только позже под давлением действительности, жертвенного видимого и невидимого сопротивления «старинны», идеал будет тускнеть, и человеку вынужденно будут дозволяться некоторые неподдающиеся истреблению родовые качества.

Социальная и антропологическая инженерия на базе новой, «пролетарской» культуры будет, полагали большевики, ещё одним, но самым важным производством. Но это производство не холодно-вещное. Оно призвано создавать деятельных мечтателей («кремлёвский мечтатель» – образец для подражания). Их вроде бы посюсторонняя, земная миссия окрашена всё-таки в религиозно-мистические тона. Будущее воспринимается в значении вечного.

Для воспитания «нового человека» нужны и новые воспитатели. Вместо старой интеллигенции, отчасти рассеянной по эмиграциям, убитой в Гражданской войне, высланной, но больше уничтоженной в обильных репрессиях, создавалась новая, «красная». По «чертежам» и программам партийных идеологов и под их строгим руководством с помощью «красной» интеллигенции и остатков прирученной старой, рассчитывали большевики, и будет достигнута триумфальная цель.

«Новый человек» начала 1920-х гг. – это прежде всего революционер, движущая сила мировой революции, главная любовь его – коммунизм, и ради его победы все жертвы оправданы. Он активен, по-военному дисциплинирован, обладает большими знаниями, технически подготовлен, аскет в быту, сознательный коллективист. Своего отечества и национальности у него нет и после революции, он интернационалист, будущий гражданин всемирной Советской Республики. Он наполнен классово-ненавистью, грабит награбленное. Он охотно будет обманывать, проявлять любое насилие и жестокость ради революции. У него высокомерное отношение к крестьянину и желание скорее пересоздать его в рабочего на земле. «Крестьянство, связанное корнями своими с самой почвой, живущее вне стен больших городов...» живёт не в условиях «механического городского существования». «После исчезновения старых сословий, дворянства и духовенства крестьянин является «единственным органическим человеком, единственным сохранившимся пережитком культуры» [7. С. 521].

У «нового человека» особые отношения с Богом. Он знает, что «религия – опиум для народа». Бога он хочет познать не верою, но научным путём. В гордыне своей он берётся управлять миром без Бога и лучше Его. Ку-миром для «нового человека» являлся профессиональный революционер на земле и на небе.

Большевики предали забвению главную особенность русской культуры – первенство внутренней работы пред божественным оком в душе человека – совестью – силе духовной, сообщённой ему для распознавания добра и зла, истины и лжи, красоты и безобразия. К исчерпанному и отжившему они отнесли идею человеческого спасения в вечности.

Строители «нового человека» хотели полного владения человеком, его физическими и духовными силами, беспрепятственного доступа к его разуму, чувству и воле, к его жизненным силам. Нужен был человек-инструмент, абсолютно управляемый и верящий власти, которая лучше его самого знает, что для него благо и зло.

Проблема личности у воспитателей «нового человека» решалась просто. Он – часть массы, у него нет мучающих его особенностей. «Мы» поглощало «я». Но теряя своего героя, выразителя дум и чаяний, масса («мы») становилась серой, обезличивалась. Один из самых ярких теоретиков социального и антропологического конструирования А.К. Гастев убеждал своих современников в том, что машинное производство делает психологию пролетария нормализованной. «Вот эта-то черта и сообщает пролетариату поразительную анонимность, – писал А.К. Гастев, – позволяющую квалифицировать отдельную пролетарскую единицу как А, В, С или как 325, 075 и 0 и т.п. В этой нормализованной психологии и в её динамизме – ключ к величайшей стихийности пролетарского мышления. ...Это значит, что в его психологии из края в край мира гуляют мощные, грузные, психологические потоки, для которых как будто уже нет миллиона голов, есть одна мировая голова. В дальнейшем эта тенденция незаметно создаст невозможность индивидуального мышления, претворяясь в объективную психологию целого класса...» [8. С. 148].

Из идей А.А. Богданова следовало, что вертикаль человеческих качеств и связанное с ней социально-классовое и культурное неравенство задаются простыми и сложными, но несовершенными технологиями, порождающими разделение труда. Свободный творческий труд – лишь малая часть в сумме труда, нетворческий, непривлекательный, чёрный труд – принудительный [9. С. 93, 300–301].

«Коммунистическое (“коллективистское”) общество, – интерпретирует идеи А.А. Богданова Ю.П. Ивонин, – предполагает автоматизированное производство, а значит, выход за пределы профессиональной специализации» [10. С. 142]. Нет специализации – нет и специалистов. Есть социальная однородность, преодолевающая различия между организаторским и исполнительским трудом, все виды труда реализуются в одном субъекте. Психология разделения, теряя технологическую основу, сменяется «нормативной», объединительной психологией. По А.А. Богданову, коллективистское, технологически детерминированное, психологически нормированное общество будет продуктом «пролетарской культуры». При отсутствии автоматических технологий и субъекта «пролетарской культуры», которая должна преодолеть профессионализм, Ю.П. Ивонин квалифицирует построение Богданова как антиинтеллектуалистское, замену же буржуазной, антисоциалистической науки вместе с её носителями-непрофессионалами, «коллективной организующей работой», «познавательным «социализмом» – «каким-то своеобразным элитаризмом наоборот» [10. С. 147].

Природные различия между людьми были вне действия «пролетарского» гуманизма. Многие установки первых теоретиков и практиков «культурной революции» подпадают под современное понятие социалдарвинизма. Место для слабых, неудачников, старых,

больных, т.е. для тех, кого бы защищала социальная справедливость, в этих установках не предусмотрено.

Внешне мягкий, словоохотливый А.В. Луначарский «отвергал жалость и принцип справедливости как *непосредственное* социальное требование. Он провозглашал право субъекта на “творчество” и жестокость». Творец, а равно и общественный деятель, «работает главным образом ради своей силы, ради свободы своего творческого гения», такой человек может быть эгоистом, он «имеет право и должен быть жестоким» ради «победы высших форм жизни» [10. С. 159]. Благодаря разысканиям Ю.П. Ивонина в мифологизированном первом наркомпросе открываются черты сознательного социал-дарвиниста, «имеющего право» пренебрегать жизнью, конечно же, нерентабельных, слабых, отсталых, несознательных, не говоря уже о тех, кто выступает против принципа: «Жизнь красивая, т.е. полная, могучая, богатая может быть куплена только ценою гибели других жизней» [10. С. 159]. У Луначарского «агентами культуры оказывались inferнальные фигуры» [10. С. 160] Сатана, Каин и др. Социал-дарвинистская выбраковка распространялась не только на «усталых и отсталых», но и на саму «соль земли» – интеллигенцию. Сам Ленин в сентябре 1919 г. писал А.М. Горькому: «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и её пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а г...» [11. С. 127].

В 1990-е гг. в несколько иных формах и мотивациях проявились, как ранее отмечалось, социал-дарвинистские идеи в отношении нединамичных, экстенсивных людей – социальном «балласте», тормозящем вестернизированные трансформации и заслуживающем «уничтожения самыми различными способами» [12. С. 84].

Отношение к человеку как к биомеханической конструкции, живой машине было перенесено в революционную Россию с Запада, из Америки. Вырабатывались проекты обеспечения максимальных достижений человека в любой области деятельности с помощью психотехники и научной организации труда.

Психотехника была распространена на самый широкий круг проблем – профотбор, профконсультацию, профессиональное обучение, рационализацию труда, борьбу с профессиональным утомлением и травматизмом, психотерапию, наконец, на создание психологически обоснованных конструкций и оборудования [13. С. 355].

В широкое употребление (в том числе и в образовании) вошло тестирование, значение тестов абсолютизировалось, что неизбежно приводило к конфузу. Так, в 1932 г. в результате тестирования многие вполне справлявшиеся со своими обязанностями железнодорожники были уволены как профнепригодные [14. С. 59]. И это происходило в условиях острой нехватки квалифицированных кадров. Наркомат путей сообщения в 1934 г. был вынужден запретить «научные» испытания, а уволенных машинистов возвратил на рабочие места.

Даже один из радикальных конструкторов «нового человека» А.К. Гастев в итоге выступил против слепого копирования зарубежной психотехники, за разработку отечественных психотехнических программ. Школу захлестнуло поощряемое А.В. Луначарским американское тестирование. Придумана была педология. В каждой школе сидел педолог и тестировал, разделяя школьников на умных и отсталых. В 1936 г. вместе с «педологическими извращениями» были осуждены и психотехнические.

В отличие от Гастева, Горький возвысил «нового человека» до роли демиурга. «В Союзе Советов растёт новый человек, – писал пролетарский писатель, – и уже безошибочно можно определить его качество. ...Он – сила, которая только что осознала свой путь, своё значение в истории, и он делает своё дело культурного строительства со всей смелостью, присущей юной, ещё не работавшей силе, руководимой простым и ясным учением. ...Цель новых людей: освободить трудовые массы от древних суеверий и предрассудков, расы, нации, класса, религии, создать всемирное братское общество, каждый член которого работает по способности, получает по потребности» [15. С. 32]. Прорекларированный смысл существования «нового человека» в итоге заключался в построении широко воспетого «нового мира», рукотворного рая на земле.

«Новый человек» вновь стал актуальным в постсоветской российской действительности. И несмотря на то, что он не копия прежнего, коммунистически ориентированного, общие черты с «новым человеком» 1920-х гг. в нём распознаются. Он также не имеет отечества и национальности, он громит национальную культуру. Он – движущая сила глобализации мира и строительства «нового мирового порядка» под гегемонией США. «Новый человек» варианта 1990-х гг. следует новому типу морали, основанием которой является просвещённый эгоизм. Но поразительное при этом сходство принципов: «Новый человек» 1920-х гг. считал нравственным всё, что революционно у его современного варианта, эффективно и прибыльно. И тот и другой не обременены традицией, духовно-нравственными ценностями национальной культуры. Первый обожествлял завод и станок, второй – рынок.

«Новый человек» 1920-х гг. проводил насильственную коллективизацию, его аналог 1990-х гг. провёл насильственную приватизацию. Олигархи, криминальные авторитеты – его идолы. Атеист – первый, и атеист – второй.

«Новый человек» современности рекламный и сотовый, «сокровища на земле» – его вожделие. Прямой программы воспитания героя рыночной эпохи и терминов былого времени нет, идеал его растворён во всей атмосфере жизни постсоветского общества. И что главное в той исторической квазианалогии, так это то, что оба новых человека – и 1920-х и 1990-х гг. – радикально трансформируют Россию и русскую культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платонов О.А. Терновый венец России. История Русского народа в XX веке. М., 1997. Т. 1.
2. Ленин В.И. ПСС. Т. 45.
3. Бразоль Б.Л. Царствование императора Николая II. 1894–1917. В цифрах и фактах. М.: Вече, 1990.
4. Философский словарь. М., 1983.

5. *Ильин И.А.* Сочинения: В 10 т. М., 1993. Т. 3.
6. *Яковкина Н.И.* История русской культуры. СПб., 2000.
7. *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1998.
8. *Коссак Е.* Ленин и культура. М., 1974.
9. *Богданов А.А.* Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990.
10. *Ивонин Ю.П.* Между гармонией и восстанием (проблема социального идеала в русской философии «Серебряного века»). Новосибирск: НГАЭиУ, 1997. Ч. 2.
11. *Ленин В.И.* КПСС об интеллигенции. М.: Полит. издат., 1979.
12. *Яковенко И.Г.* Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М.: Прогресс-Традиция, 2006.
13. *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Фундаментальная социология в пятнадцати томах. Т. II: Эмпирическая и прикладная социология. М.: Инфра-М; МГУ, 2004.
14. *Кожухова О.А.* Психотехнические тесты профессиональной пригодности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 2.
15. *Горький М.* О старом и новом человеке // Горький М. Преображение мира. М., 1980.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 1 октября 2008 г.